

ЗИНАИДА ГИППИУС

ТАМ, В
РОССИИ

Зинаида Гиппиус

Там, в России

«Public Domain»

1921

Гиппиус З. Н.

Там, в России / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1921

«Русское общественное мнение... где оно? В Праге, в Варшаве, в Париже? Да, и в Праге, и в Париже, и во всех городах Европы, где есть сознательная группа русских. Я с этим не спорю, я признаю, что ко всем группам надо относиться внимательно, со всеми считаться...»

© Гиппиус З. Н., 1921

© Public Domain, 1921

Содержание

I. Два лагеря	5
II. К случаю	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Там, в России

І. Два лагеря

*Все пути ведут оттуда,
А туда – дороги нет!*

Н. Минский

Русское общественное мнение... где оно? В Праге, в Варшаве, в Париже? Да, и в Праге, и в Париже, и во всех городах Европы, где есть сознательная группа русских. Я с этим не спорю, я признаю, что ко всем группам надо относиться внимательно, со всеми считаться.

Но я предлагаю вспомнить, что есть еще одна «группа» русских людей, еще одно место... Это место – территория бывшей России; а русские люди, с мнением которых не принято считаться, – это оставшиеся в Совдепии. Их не мало там, еще не убитых, не умерших, не сошедших с ума, и они знают, видят изнутри вещи, недоступные взору эмигрантскому.

Из Праги в Париж можно послать письмо, резолюцию, делегатов. Осколки одной партии легко могут здесь сноситься, ссориться и мириться с осколками другой партии, заниматься семейными делами и даже не семейными: обращаться к иностранному «общественному мнению» или правительству. Если голоса этих русских в Европе не громки – они сами виноваты.

Из бывшей России физически нельзя подать никакого голоса. Нельзя послать ни резолюций, ни делегатов. Одно можно: уполномочить «ходовков». Прошептать им на ухо: «Вы знаете... скажите всем, что мы... Скажите всем все, что знаете...»

Такие «ходовки», делегаты без писанных мандатов, уполномоченные «на веру», – между прочим и мы. И мы действительно знаем это «общественное мнение» русских в России, как знают его все, кто подобно нам, прожил с большевиками вплотную более трех лет, кто уехал только тогда, когда уже *все котилось*. Да, был определенный момент, когда «кончилось», когда переворот заключился. Можно долго вывертывать перчатку наизнанку, но когда она вся вывернута – далее нечему быть. После этого момента, пережитого нами в России, нет уже качественных изменений, а только количественные: больше смертей, больше убийств, меньше хлеба... только. А потому и все мы, уехавшие из России после «переверта», после 20-го года, совершенно реально ощущаем себя и там, в России. Мы продолжаем жить с оставшимися. И говорить можем только «оттуда», только «от них».

Когда мы сталкиваемся в Европе с такими же «ходовками», с ушедшими после полного «выверта» – нам не о чем толковать. Достаточно слова, взгляда... неписанные грамоты у нас одни. Но как непонятны они всем остальным русским и нерусским европейцам!

Однако мы должны исполнять наш долг. Ведь мы не уехали бы из России, если б не доверили нам этих грамот. Слушают нас или не слушают, мы на все лады будем твердить одно и то же, объяснять все то же.

Стыдно каждый раз начинать с упоминания: то, что делается в России, то, что думают и знают оставшиеся там, – важно. А, вот, приходится и это говорить. Еще недавно какая-то газета сказала, что «оставшиеся в России потеряли чувство реальности!». Уж если кто его потерял – то не эмигранты ли, вместе с Европой?

Рассказывать, как живут русские в России физически, т. е. о голоде, холоде, крови, – можно, но к чему? Таких рассказов довольно. Понять их может лишь переживший. Кроме

того, – это не главное, не самое важное: человек необыкновенно вынослив в физическом отношении, говорю по опыту. Нет, не о страшном «быте» русском просили нас сказать «всем, всем, всем», когда провожали «оттуда»... Длинные и подробные данные нам неписанные грамоты, я сейчас передаю лишь малую часть, общую.

В России нет многих партий или групп. Там только два лагеря. Первый, громадное меньшинство, – правители, плюс небольшая кучка спекулянтов крупных. Второй – вся остальная Россия, начиная от сознательных верхов (интеллигентов) и кончая последним, абсолютно бессознательным мужиком, старухой, ребенком, матросом. Верхи разбираются в положении Дел, знают за что и кого ненавидят, понимают, как нужно бороться с врагом, – низы и середина только ненавидят, слепо копят ненависть, таясь по углам, в каждом видя врага. Эта слепая, глухая ненависть до времени являющая вид покорности, – очень страшна и чревата неслыханными последствиями. Между прочим (было бы нечестно скрывать этот ужасный факт), там, в низах, растет самый стихийный антисемитизм. Даже на севере, где его никогда не было. Он в городе, он в деревне, он в красной армии, особенно. Но об этом явлении надо бы написать отдельно. Возвращаюсь к слоям более сознательным.

Эта часть антиправительственного лагеря знает, что все громадное большинство России – с ними. Но пока оружие в руках меньшинства и пока большинство несознательно, данное положение должно длиться и может продлиться, предоставленное себе, многие годы. Большинство само будет пребывать как оружие в руках кучки «правящих». Все пути внутренней помощи большинству, в смысле разумного направления ненависти, – физически отрезаны. Смешно говорить о серьезной пропаганде в «Советской» России. Тут и честный эмигрант не будет спорить. Пропаганда может идти лишь извне, наплывать с краев, поддержанная непременно вооруженной силой, войсками... которым, пожалуй, и воевать не придется, если пропаганда будет *такая, как должно...*

Русские в России знают, какой должна быть пропаганда, и знают, что нужных лозунгов не нес еще никто из борющихся против большевиков. Не было их ни у Деникина, ни у Врангеля... Поэтому-то, мы, в России, во времена наивысших успехов Деникина, *знали*, что Деникин провалится.

Но так же мы, безгласные, рвали на себе волосы, когда слышали, что говорят и делают здесь эмигранты. Я верю, с лучшими намерениями, – но они душили нас, забивали Россию в яму и помогали большевикам неустанно, непрерывно, вплоть до последнего времени. И это – без различия партий, от Милюкова до Керенского. Непризнание ли окраин, ненависть ли к Польше, крики ли против интервенции или против «контрреволюции» – все равно. Собственными глазами мы видели, как облизываются большевики от этой зарубежной работы.

Можно было с ума сойти. И без того мы чувствовали себя на краю гроба. За что же нас толкают туда еще и братские руки?

И все до сих пор старые у них партии, партийные интересы, допотопная грызня... Как им сказать, что в России, где вся перчатка уже наизнанку, никакие партии не считаются? Они – зарубежный туман, который держится, лишь пока нет России?

Впрочем, жива дурная память о некоторых партиях, как жива и ненависть персональная (может быть, несправедливая, я сейчас не разбираюсь). Например, «Керенский» – одно из одиозных имен, сверху донизу. Антибольшевистский лагерь, – вся будущая Россия, – не захочет Керенского ни под каким соусом, – это один из мелких, но несомненных фактов. Большевики скорее примирились бы с ним!

Мы видели воочию: большевики слабы и трусливы. Здесь все говорят, что знают это, никто не признается, что, в сущности, не верит в это.

Большевики слабы, – да; но что если в Европе эти слабые окажутся самыми сильными?

Одной реальности не понимали мы там, в России: бездонной слабости всего зарубежного мира. Неужели поверить, что она так бездонна? Пусть не верят и оставшиеся. Пусть надеются. Это дает им силу жить.

К ним я вернусь. О них «от них», слишком много еще надо сказать. Надо, необходимо. Здесьние должны слушать голос «оттуда».

II. К случаю

Самые темные дни первых страшных месяцев России...

...Как скользки улицы отвратные!
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!..

Мы все знали, конечно, что *если* большевики позволят открыть Учредительное собрание (если!), то они его все равно разгонят. За неуспех борьбы было 99 шансов. Но один, в это острое время, был за успех; и все-таки это была борьба, единственная, реальная. И без рассуждений непримиримая интеллигенция стала на сторону борющихся – на сторону эсеров.

Мы были особенно близки Учредительному собранию. В партии-победительнице у нас было несколько давних друзей. Со дня февральской революции мы видели ее внешний рост и, увы, могли следить за ее внутренними ошибками. Но время ли было думать о них!

Случай сделал нас близкими Учредительному собранию и внешне, географически: наши окна выходили прямо в Таврический сад, на круглый купол старого дворца.

Члены Учредительного собрания в течение ноября-декабря 1917 г. (не большевики) частью были схвачены, частью скрывались. Помню некоторых, приходивших к нам поздно ночью, с черного хода, в темных очках. При случае – в нашем доме можно было ночевать.

Мы знали их отчаянный, но единственно возможный план: надо было попытаться «передемагогить» большевиков. Гибель? Конечно. Но все-таки есть шанс (один!) за успех.

Надо покаяться: зная некоторых лидеров партий, мы боялись худшего провала: соглашения с большевиками. К счастью, этого позора не случилось с Учредительным собранием. Теперь я вижу, что его и не могло случиться... не таковы большевики. Но в те времена мы еще не изучили их до косточек.

Помню этот длинный-длинный лихорадочный день января, серый, угрюмо-снежный и ветреный, – единственный день жизни нашей конституанты. Соседство Таврического дворца дало нам сначала сведения внешние: «Идут! Пускают только по Потемкинской! Все вместе идут!» Скоро наша домашняя демократия, имеющая знакомства и связи со всеми сторожами дворца, доложила, что «приходят... пришли...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.